

18+
Вяземская

МЕСТЬ

Без права
на пощаду!

Рита Вяземская

Мечь. Без права на пощаду!

<https://litres.ru/74155983>

ISBN 9785007027021

Аннотация

— Тише... Замолчи, девочка моя, — этот глубокий, бархатистый баритон я узнала бы из тысячи. Голос, который клялся мне в вечной любви. Голос, который успокаивал меня, когда я плакала от усталости. Голос Глеба.

— Не так громко. Моя церберша в юбке может нас услышать. Нам ведь не нужен скандал прямо сейчас?

— А я очень хочу, чтобы она нас услышала, — капризный, чуть гнусавый девичий голосок резанул по нервам.

Я замерла, вставляя в доски террасы. Кристина. Подруга моего сына Никиты. И мой муж.

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	6
Глава 2	20
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Мечь. Без права на пощаду!

Рита Вяземская

© Рита Вяземская, 2026

ISBN 978-5-0070-2702-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

— Тише... Замолчи, девочка моя, — этот глубокий, бархатистый баритон я узнала бы из тысячи. Голос, который клялся мне в вечной любви. Голос, который успокаивал меня, когда я плакала от усталости. Голос Глеба. — Не так громко. Моя церберша в юбке может нас услышать. Нам ведь не нужен скандал прямо сейчас?

— А я очень хочу, чтобы она нас услышала, — капризный, чуть гнусавый девичий голосок резанул по нервам.

Я замерла, вращая в доски террасы. Кристина. Подруга моего двадцатилетнего сына Никиты. Девочка, которая приходила к нам в дом, мило улыбалась мне за ужином, хвалила мою выпечку и строила глазки моему сыну.

— Я хочу, чтобы ты прямо сейчас пошел и всё ей рассказал! — с напором, в котором слышалась неприкрытая наглость хищницы, продолжала Кристина. Послышался шорох ткани и тихий, влажный стон. — Брось уже ее, Глеб. Сколько можно прятаться по углам? Я хочу статус. Хочу быть твоей женой, а не тайной подстилкой. Ты ведь давно ее не любишь...

Глава 1

В загородном особняке Романовых всегда пахло одинаково: дорогой итальянской кожей, тяжелым нишевым парфюмом свекрови и какой-то неуловимой, застарелой ложью. За восемнадцать лет брака я научилась не замечать этот запах, как люди, живущие у железной дороги, перестают слышать грохот поездов. Я научилась быть идеальной невесткой, безупречной женой и, что самое главное, железным финансовым директором корпорации «Феникс». Я держала в руках многомиллионные бюджеты, сводила дебет с кредитом и выявляла малейшие несостыковки в отчетах.

Какая злая ирония. Блестящий аудитор, способный найти пропавшую копейку в квартальном балансе, не заметил огромную, зияющую дыру в собственном браке.

Сегодняшний вечер ничем не отличался от десятков других. Глеб устроил очередной пышный ужин. На первом этаже гремела музыка, звонко чокались хрустальными бокалами гости — «нужные люди», как называл их муж. Лидия Павловна, моя свекровь, восседала во главе стола, словно престарелая императрица, благосклонно принимая комплименты, а золовка Марина, как обычно, цедила сквозь зубы ядовитые замечания в мой адрес.

А на втором этаже, в стерильной, пугающе тихой комнате, лежал Марк. Старший брат Глеба. Настоящий основатель и гений «Феникса». Человек, который пять лет назад попал в страшную аварию и превратился в неподвижную тень, прикованную к аппаратам жизнеобеспечения.

Головная боль, пульсирующая в висках с самого утра, стала невыносимой. Сжимая в руке тонкий бокал с ледяной минеральной водой, я незаметно выскользнула из душной гостиной на темную, увитую диким виноградом террасу. Воздух здесь был прохладным, напоенным ароматами влажной земли и хвои. Я прикрыла глаза, делая глубокий вдох, мечтая лишь о том, чтобы этот вечер поскорее закончился.

И тут я услышала их.

Звуки доносились из-за угла, где терраса переходила в скрытую от посторонних глаз лоджию, примыкающую к кабинету мужа.

— Тише... Замолчи, девочка моя, — этот глубокий, бархатистый баритон я узнала бы из тысячи. Голос, который клялся мне в вечной любви. Голос, который успокаивал меня, когда я плакала от усталости. Голос Глеба. — Не так громко. Моя церберша в юбке может нас услышать. Нам ведь

не нужен скандал прямо сейчас?

— А я очень хочу, чтобы она нас услышала, — капризный, чуть гнусавый девичий голосок резанул по нервам.

Я замерла, вставляя в доски террасы. Кристина. Подруга моего двадцатилетнего сына Никиты. Девочка, которая приходила к нам в дом, мило улыбалась мне за ужином, хвалила мою выпечку и строила глазки моему сыну.

— Я хочу, чтобы ты прямо сейчас пошел и всё ей рассказал! — с напором, в котором слышалась неприкрытая наглость хищницы, продолжала Кристина. Послышался шорох ткани и тихий, влажный стон. — Брось уже ее, Глеб. Сколько можно прятаться по углам? Я хочу статус. Хочу быть твоей женой, а не тайной подстилкой. Ты ведь давно ее не любишь...

— Малыш, не дави на меня, — с придыханием ответил мой муж. — Ты прекрасно знаешь, что Анна — не просто жена. Она держит все финансы «Феникса». У меня на нее есть конкретные планы.

— Какие планы? Ждать, пока она сама догадается? — фыркнула Кристина.

— Ждать осталось недолго, — голос Глеба стал жестким, деловым — таким, каким он бывал на советах директоров. — Как только мы закроем эту сделку с южным филиалом и я выведу активы... я избавлюсь от нее. Оставлю с голой задницей. Анна слишком много знает, и просто развод мне не нужен. Я сделаю так, что она сама захочет исчезнуть.

— А твой братец? — с брезгливостью спросила девчонка. — Этот овощ на втором этаже? Он же сожрет все наши деньги на свои сиделки и аппараты! Твоя мать спускает на него миллионы!

— Мой овощ-братец больше не будет проблемой, — холодно усмехнулся Глеб. В его тоне проскользнуло нечто такое, от чего у меня заледенела кровь. Это был не просто цинизм. Это была угроза. — Его время на исходе. Врачи говорят, динамика отрицательная. Как только Марк отбросит коньки, я вступаю в полные права наследования. И вот тогда, моя сладкая, у нас будет всё. А пока — потерпи. Дай мне довести спектакль до конца.

Хрустальный бокал в моей руке жалобно звякнул, не выдержав судорожного напряжения пальцев.

Тонкое стекло лопнуло с сухим хрустом. Острые грани вонзились в ладонь. Теплая, липкая кровь мгновенно потек-

ла по пальцам, заливая запястье, капая на бежевый шелк моего вечернего платья, оставляя темные пятна на светлых досках террасы.

Но я не чувствовала боли.

Что значат изрезанные ладони по сравнению с тем, как в эту самую секунду методично, с хрустом перемалывается в труху твоя жизнь? Восемнадцать лет. Восемнадцать лет я была его надежным тылом. Я тащила на себе экономику компании, когда Марк попал в аварию, а Глеб в панике не знал, за что хвататься. Я терпела унижения его матери, потому что «она в стрессе из-за старшего сына». Я прощала Глебу его вспышки гнева, списывая их на усталость.

А он спал с девчонкой, которая годится ему в дочери. Спал с подругой нашего сына. И планировал уничтожить меня, предварительно обчистив компанию своего парализованного брата.

Мой мозг, натренированный годами сложных аудиторских проверок, внезапно переключился в аварийный режим. Эмоции, готовые вырваться наружу криком и слезами, оказались заперты в герметичный сейф. Внутри меня словно растекся жидкий азот. Истерика — удел слабых. Я не буду кричать. Не буду врываться на лоджию и бить их по щекам.

Это слишком дешево. Это даст им преимущество.

Медленно, стараясь не издать ни звука, я отступила назад в спасительную тень. Развернулась и бесшумно вошла в дом через боковую дверь, ведущую к черной лестнице.

Мне нужно было в ванную. Смыть кровь. Смыть с себя остатки той наивной, слепой Анны, которой я была еще пять минут назад.

Я заскочила в небольшую гостевую уборную на первом этаже, плотно прикрыла дверь и включила ледяную воду. Сунула изрезанную руку под тугую струю. Вода в белоснежной раковине мгновенно окрасилась в розовый, затем в густо-алый цвет. Осколки глубоко сидели в коже.

— Мам? — дверь тихо приоткрылась.

Я резко обернулась, пряча руку за спину, но было поздно. На пороге стоял Никита. Мой сын. Высокий, широкоплечий, с пронизательным взглядом темно-серых глаз, которые он унаследовал от моего отца. В свои двадцать один он был гораздо умнее и взрослее своих сверстников.

Его взгляд мгновенно упал на красные капли на полу и на мой окровавленный подол. Лицо Никиты исказилось.

— Мам, что за херня? — тихо, но жестко спросил он, быстро входя внутрь и защелкивая замок изнутри. — Что случилось?

— Всё в порядке. Просто... бокал лопнул, — я попыталась выдавить улыбку, но губы не слушались. Они одеревенели.

— Не ври мне, — Никита шагнул ко мне, мягко, но непреклонно вытащил мою руку из-за спины. При виде месива из стекла и крови он глухо выругался. — Садись на банкетку. Сейчас принесу аптечку.

Он метнулся к навесному шкафчику, достал бинты, перекись водорода и пинцет. Опустился передо мной на одно колено и включил яркий свет над зеркалом.

— Руку не дергай, — скомандовал он, аккуратно подцепляя пинцетом первый сверкающий осколок.

Я смотрела на его склоненную голову, на сосредоточенно сдвинутые брови, и ледяная корка внутри меня дала трещину. Это мой сын. Единственное светлое и настоящее, что у меня есть в этом проклятом доме. И та дрянь, с которой сейчас кувыркается Глеб, входя в наш дом благодаря ему.

— Никита... — мой голос предательски дрогнул.

— Кто это сделал? — он не поднял глаз, вытаскивая очередную кусок стекла. Его тон был обманчиво спокойным, но я знала своего сына. Внутри него закипала ярость. — Это он? Глеб снова психовал?

Он никогда не называл Глеба отцом. Только по имени. Глеб пытался его ломать, воспитывать «настоящего мужика», но Никита оказался не по зубам этому нарциссу.

— Нет. Глеб меня не бил, — я сглотнула сухой ком в горле. — Я сама раздавила бокал.

— Почему?

Я смотрела на его руки, осторожно обрабатывающие рану перекисью. Белая пена шипела, выедавая кровь. Я знала, что не должна втягивать сына в грязь своего брака. Защищать детей — инстинкт. Но Никита больше не ребенок. А Кристина — его круг общения. Он должен знать. Иначе они используют его вслепую.

— Потому что я вышла на террасу подышать воздухом, — голос зазвучал ровно и механически, как будто я зачитывала

сухой аудиторский отчет. — И услышала очень интимный разговор Глеба. С Кристиной.

Пинцет в руке Никиты замер. Он медленно поднял на меня глаза. В них не было шока. Только глубокое, мрачное отращение.

— Эта шлюха, — выплюнул он, отбрасывая окровавленный осколок в раковину. — Я так и знал.

— Ты знал? — теперь настала моя очередь удивляться.

— Я подозревал, — Никита начал плотно забинтовывать мою ладонь. — Она вечно крутилась вокруг него. Приходила ко мне, но всё время спрашивала про Глеба. Какие у него часы, сколько стоит его машина, когда он бывает дома. И на меня она смотрела... как на билет в этот дом. Я собирался гнать ее в шею, просто повода прямого не было. А Глеб... он всегда смотрел на нее сальным взглядом.

Он завязал тугий узел на бинте и поднялся.

— Мам, собирай вещи. Мы уезжаем. Прямо сейчас. Я вызову такси, поедem в город, в твою старую квартиру.

— Нет, — я покачала головой, чувствуя, как холодная яс-

ность окончательно завладевает моим разумом. — Мы никуда не поедем.

— Ты в своем уме? — Никита опешил. — Ты собираешься терпеть это? Сделать вид, что ничего не было? Мам, он конченный ублюдок! Он и его семейка всю жизнь вытирают об тебя ноги! Ты тянешь на себе его бизнес, ты возишься с Марком, пока они жрут икру на первом этаже!

— Тише, — я потянула его за рукав, заставляя наклониться. — Я не собираюсь терпеть, Никита. И прощать не собираюсь. Но если мы просто уйдем сейчас — мы проиграем. Глеб сказал Кристине, что у него есть план. Он хочет вывести активы компании и оставить меня с долгами. А еще... еще он сказал страшную вещь про Марка.

Я увидела, как напряглись желваки на лице сына. Никита всегда с уважением относился к парализованному дяде. До аварии Марк был единственным в этой семье, кто общался с мальчиком по-человечески, дарил ему конструкторы и учил играть в шахматы.

— Что он сказал? — глухо спросил сын.

— Он сказал, что Марк скоро перестанет быть проблемой. Что его время на исходе, и как только он умрет, Глеб получит

всё. Никита... мне кажется, они не просто ждут его смерти. Мне кажется, они ему «помогают».

Мы смотрели друг на друга в тишине тесной ванной комнаты. Музыка за дверью басыла, вибрируя в стенах. В этот момент невидимая пуповина между нами стала стальным тросом. Мы перестали быть просто матерью и сыном. Мы стали союзниками на территории врага.

— Если мы уйдем, Глеб получит всё, чего хочет. И Марк, скорее всего, не доживет до осени, — твердо сказала я. — Я не отдам ему компанию, в которую вложила десять лет жизни. И я не позволю убить Марка. Я хочу разобрать жизнь Глеба по кирпичику. Чтобы он ползал и умолял, когда я закончу.

Никита смотрел на меня несколько долгих секунд. Затем его губы тронула жесткая, взрослая усмешка.

— Я с тобой. Что бы ты ни задумала, мам. Эта семейка давно заслужила хорошей встряски. Если хочешь пустить их по миру — я буду подавать патроны.

— Для начала, — я поправила воротник его рубашки, — ты должен вести себя с Кристиной так, будто ничего не знаешь. Будь милым. Будь слепым. Мы будем держать врага как

можно ближе.

— Справлюсь, — кивнул он.

В дверь резко, нетерпеливо постучали. Дернули за ручку.

— Анна? Ты там уснула? — раздался недовольный голос Глеба. — Гости уже спрашивают, где хозяйка!

Никита инстинктивно шагнул вперед, загораживая меня, но я мягко отодвинула его в сторону. Расправила плечи. Бросила быстрый взгляд в зеркало: бледное лицо, идеальная укладка, ни единой слезинки. Глаза — два куска серого льда.

Я повернула замок и распахнула дверь.

Глеб стоял на пороге в своем безупречном темно-синем костюме. Красивый. Ухоженный. С легким запахом дорогого коньяка и чужих сладких духов, от которых меня теперь мутило.

Его взгляд упал на мою перебинтованную руку, затем на Никиту. В глазах мужа мелькнуло раздражение.

— Что здесь происходит? Анна, что с твоей рукой? И почему ты в крови? Ты хоть понимаешь, что у нас там инвесто-

ры сидят? Ты должна быть в зале!

Ни грамма сочувствия. Ни вопроса о том, больно ли мне. Только раздражение, что реквизит в его идеальном спектакле испортился.

— Не стоит беспокоиться, милый, — я улыбнулась. Губы слушались идеально. — Просто небольшая случайность. Бокал оказался слишком хрупким. Никита помог мне всё убрать.

— Ну так иди переодеваться! Ты выглядишь как мясник! — Глеб поморщился и брезгливо отступил на шаг. — У тебя пять минут.

Он развернулся и ушел по коридору, уверенный в своей абсолютной власти над нами.

Никита вопросительно посмотрел на меня.

— Иди к гостям, сынок, — тихо сказала я. — Найди Кристину. И улыбайся.

Я развернулась и пошла к лестнице. Впереди была долгая ночь и первый ход в партии, которую Глеб Романов уже проиграл, просто еще не знал об этом.

Игра началась.

Глава 2

Утро субботы встретило меня ослепительным, почти хирургическим светом, заливавшим просторную кухню из панорамных окон. Вчерашний праздник оставил после себя лишь горы грязной посуды, которые кейтеринговая служба спешно убрала еще ночью, и глухую, давящую тишину в доме.

Я стояла у кухонного острова, туго затягивая чистый бинт на левой ладони. Отрезанные вчера вместе со стеклом эмоции больше не возвращались. На их месте образовалась странная, звенящая пустота, в которой мысли циркулировали с поразительной, почти пугающей четкостью. Я больше не была преданной женой, заглядывающей в рот своему мужчине. Я снова стала старшим аудитором.

Человеком, который не верит словам, обещаниям и красивым фасадам. Человеком, который верит только цифрам и документам.

Сверху донеслись тяжелые, шаркающие шаги Глеба. Вчера он изрядно перебрал с коньяком, празднуя будущие успехи с «нужными людьми».

— Анна, — хриплый, простуженный баритон мужа раз-

дался от двери. Он стоял, прислонившись к косяку, потирая виски. Лицо помятое, под глазами залегли серые тени. — У меня раскалывается башка. Сделай мне тот свой имбирный чай.

Спаси меня.

Я медленно повернулась к нему, натягивая на лицо маску привычной, чуть усталой заботы.

— Сейчас сделаю, дорогой. Присядь, — мягко произнесла я.

Глеб тяжело опустился на барный стул, утыкаясь лицом в ладони. Я повернулась к шкафчику со специями. Имбирь, лимон, капля меда... и маленькая баночка с сушеным гибискусом, спрятанная в самый угол.

Глеб свято верил, что у него аллергия на цитрусовые, но я-то знала истину. Пять лет назад, во время нашей поездки в Египет, он чуть не задохнулся от отека Квинке после того, как выпил местный чай. Обследование показало редкую, агрессивную реакцию на гибискус — каркаде. С тех пор этот цветок был под строжайшим запретом в нашем доме.

Я достала ступку, бросила туда несколько лепестков гибискуса и методично растерла их в мельчайшую, невесомую

пыль. Горсть этой пыли отправилась на самое дно заварочного чайника, под плотный слой тертого имбиря и лимонной цедры. Мед и кипяток завершили дело, надежно спрятав рубиновый оттенок под мутно-желтой текстурой напитка.

— Держи, милый, — я поставила перед ним дымящуюся чашку. — Пей медленно. Это очистит организм и снимет спазм.

— Спасибо, Ань. Что бы я без тебя делал, — пробормотал он, делая первый жадный глоток.

Я смотрела, как он пьет, и внутри меня не шевельнулось ни единого процента жалости. Мелкая, тихая диверсия. Мой первый личный налог на его измену.

Через пару часов его носоглотка превратится в филиал ада, глаза опухнут, а из носа потечет ручьем. Он спишет всё на похмелье или простуду, а я буду заботливо подносить ему салфетки и антигистаминные, которые «почему-то» не будут помогать сразу.

Когда Глеб, допив чай, уполз обратно наверх, я заперлась в своем домашнем кабинете. Настало время для настоящей работы.

Я включила рабочий ноутбук, активировала защищенный

VPN-канал и вошла в корпоративную сеть холдинга «Феникс». Мои пальцы летали по клавиатуре, открывая базы данных, в которых я ориентировалась лучше, чем в собственной спальне.

Глеб считал меня скучным сухарем, способным лишь составлять квартальные отчеты. Он забыл, что именно я выстраивала всю систему финансового контроля холдинга после того, как Марк слег. Глеб думал, что может незаметно вывести активы через южный филиал. Какая наивность.

Я открыла реестр платежей за последний год и начала копать. Меня интересовали не крупные транзакции — их Глеб побоялся бы трогать до финального этапа своего плана. Я искала мелкие, регулярные утечки. И я их нашла.

Под занавесом статьи «Медицинские расходы и реабилитация Марка Романова» скрывались поразительные цифры. Ежемесячно холдинг переводил колоссальные суммы на счета частной клиники «Аэтерна» и некоего консалтингового агентства «Медик-Групп».

Я открыла детализацию договоров. «Консультации ведущих специалистов», «закупка экспериментальных швейцарских препаратов», «индивидуальная программа реабилитации». Суммы варьировались от пятисот тысяч до полутора

миллионов рублей за транзакцию.

Но я ведь жила в этом доме. Я видела Марка каждый день. Никаких «ведущих специалистов», кроме районного терапевта и проходящего массажиста, у его постели не появлялось последние года три.

Экспериментальные препараты?

Медсестра давала ему стандартный набор ноотропов и разжижающих кровь таблеток, купленных в аптеке за углом.

Я провела быстрый аудит «Медик-Групп». Компания была зарегистрирована в офшорной зоне полтора года назад. Конечный бенефициар скрыт за цепочкой номинальных директоров, но один из транзитных счетов вел прямо на личную карту Марины — сестры Глеба.

Холодный пот прошиб спину. Семейка Романовых не просто воровала. Они методично, месяц за месяцем, обкрадывали своего парализованного брата, выводя деньги компании под видом его лечения. И Глеб руководил этим процессом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.